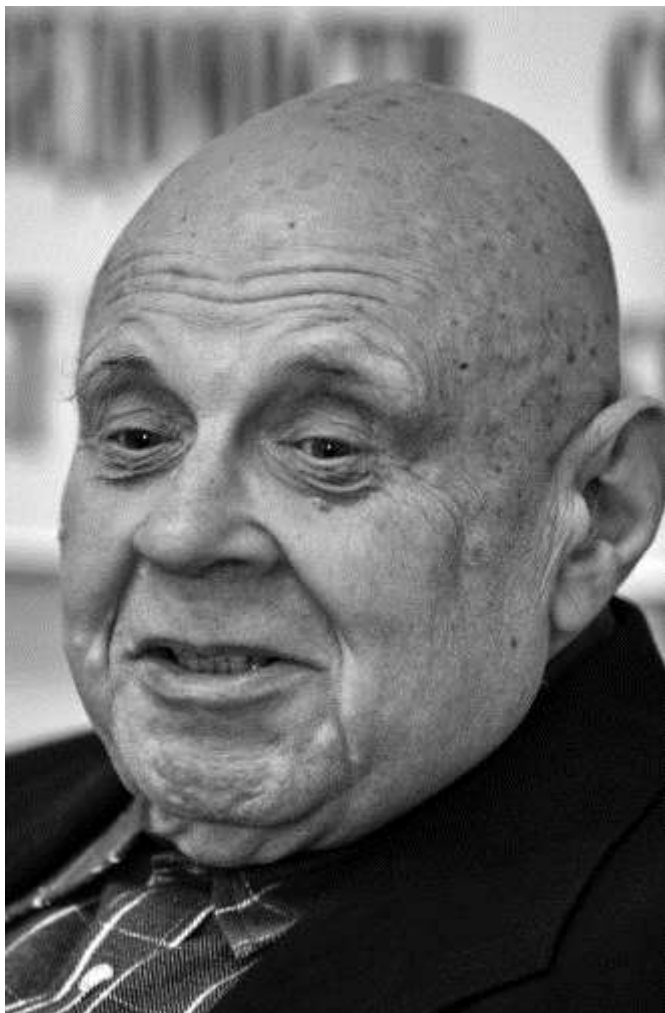

21-07-2013 23:58:00

Рафаил ГАНЕЛИН: Власть себя трезво не оценивает

Об истории протестов в научной среде

Об истории протестов в научной среде и значении академической науки в современной политике говорит Рафаил Шоломович ГАНЕЛИН, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Бунт на корабле науки, похоже, разгорелся не на шутку: опрос, проводимый на сайте Общества научных работников, показывает, что почти 90 процентов ученых готовы к любым формам протеста. Об истории протестов в научной среде и значении академической науки в современной политике говорит Рафаил Шоломович

ГАНЕЛИН, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

— Выход части академиков из состава новой, реформированной Академии наук — случай закономерный? Ведь до объявленной реформы РАН ученые не слишком активно выступали против власти.

— Нынешний протест академиков — беспрецедентный, никогда в российской и советской истории Академия наук особенно не сопротивлялась. Профессура, преподаватели университетов — они бунтовали, а академики — нет. Вероятно, именно поэтому большевики начали на свой лад переделывать науку как раз с университетов: в 1921 году они кардинально ограничили самостоятельность и автономию университетов, что вызвало волну протестов и бунтов в университетской среде. И основную часть пассажиров «философских пароходов», на которых большевики вывезли из России более 200 ученых, философов, литераторов, инженеров, — составляли именно преподаватели вузов. Главным образом гуманитарии. Выслали многих, но не всех. Но те, кто не попал на «философские пароходы», вскоре оказались втянутыми в «академическое дело». Оно стало как бы продолжением тех пароходов — в него тоже попали главным образом гуманитарии, которые были бревном в глазу власти, — они не умели стоять по стойке смирно.

— Это было целенаправленное наступление на Академию наук?

— Не совсем. Тогда действительно арестовали группу академиков из Москвы и Ленинграда, но это была многоходовая интрига не только против ученых, но и против некоторой части общественных и политических деятелей — дело «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии». Серьезный разгром учинили в Пушкинском Доме, в библиотеке Академии наук. Арестованных академиков — Платонова, Тарле, Николая Петровича Лихачева — обвинили в борьбе против советской власти. Платонов умер в ссылке, Тарле вернулся... и позже стал любимым историком Сталина. Мне довелось слышать рассказ Тарле о том, как он принимал участие в работе над книгой по истории дипломатии, выходявшей по инициативе Сталина. Дрожащим голосом Тарле говорил о корректуре книги: «Там была правка, сделанная разными карандашами, но одной и той же, бесконечно дорогой для меня рукой...» Николай Петрович Лихачев вернулся в Ленинград и прожил еще несколько лет: он жил в небольшой комнате в нынешнем здании нашего Института истории — это бывший его собственный дом. Правда, тогда, в 30-е годы, он назывался не Институт истории, а Институт книги, письма, документа. Личный архив Лихачева стал основой нашего архива.

— Как на эти аресты и высылки реагировали академики? Протестовали?

— Никаких протестов. Тогдашний главный академик-историк и истовый марксист Михаил Николаевич Покровский сам был инициатором чисток в академии — и проводил их при молчаливом согласии остальных.

— В отличие от ситуации 70-х годов, когда ЦК партии потребовал исключения Сахарова из числа академиков, а Академия наук отказалась это сделать...

— Тот случай можно назвать уникальным. Тогда Сергей Петрович Капица на предложение исключить Сахарова сказал, что знает лишь один подобный прецедент —

исключение нацистами Альберта Эйнштейна из прусской академии. И предложение ЦК само собой «растворилось». Капица, я думаю, тогда умело использовал дипломатический, политический прием — к сожалению, в советской истории случаи исключения из Академии наук происходили не раз. В 1931 году на Общем собрании АН были лишены звания академиков арестованные Платонов, Тарле, Лихачев и Любавский; в 1938 году из членов академии исключили списком сразу 21 человека. Причем некоторых из них — посмертно, после расстрела как врагов народа. Тогда исключили известного авиаконструктора, члена-корреспондента Туполева. А незадолго до смерти Сталина, в 1953 году, лишили звания академика историка Ивана Михайловича Майского. Так что прецедентов было достаточно.

— Но громкие академические дела больше не возникали: власть помирилась с академиками?

— Сталин, когда ему было очень надо, умел давать задний ход. Известен эпизод, когда самый наш крупный специалист по производству боеприпасов Борис Львович Ванников оказался в тюрьме в начале июня 1941 года. Он сидел на Лубянке и не знал, что идет война. Неожиданно следователь попросил его написать свои соображения о производстве боеприпасов в условиях военных действий: какие предприятия надо переводить на их производство, какие не надо. Потом его привели в кабинет Сталина, который сидел за столом и держал в руках листок с текстом Ванникова. Сталин сказал с упреком: «Нашел время сидеть в тюрьме!» И назначил его заместителем наркома вооружений, а в 1942 году — наркомом. Позже Ванников руководил атомным проектом. С Академией наук происходило то же самое: в 30-е годы ученые были очень нужны власти. Сталин начал создавать свою историю — это называлось «теория марксистско-ленинских формаций»: помните то, что все учили в школе, — первобытно-общинный строй переходит в рабовладельческий; империализм как высшая стадия капитализма; потом неизбежный социализм; и коммунизм как высшая стадия развития общества. Эту теорию разработала группа истовых марксистов нашего, питерского Института материальной культуры. Над терминологической стройностью этой теории работали Борис Дмитриевич Греков, Василий Васильевич Струве, Сергей Александрович Жебелев. Струве и Греков получили за это академиков, Жебелев и раньше им был. Он, кстати, придумал для Сталина революцию рабов, которой в истории не было. Но в 1934 году на заседании Политбюро Сталин, держа на столе учебники по истории, заявил, что все они скучные, и теория формаций тоже. Вообще тогда историю не преподавали ни в школах, ни в вузах: изучали историю партии, историю общественных движений. В вузах не было исторических факультетов: Тарле, вернувшись из ссылки, читал в пединституте на географическом факультете лекции по истории географических открытий. В 1934 году было решено восстановить историю, но учебники отсутствовали. И Сталин распорядился написать их. Чем и занялась большая группа ученых, в том числе академики.

— Сейчас тоже заговорили о едином учебнике истории!

— Вот-вот, это все очень напоминает мне сегодняшнюю ситуацию: заговорили о едином учебнике по истории для школьников — и сразу же ударили по Академии наук! Сейчас, вообще, похоже, воссоздают сталинскую систему: тогда были наркоматы или министерства, а параллельно — отраслевые отделы ЦК и академические институты. И сейчас — есть министерства, а есть — отделы администрации президента. Фактически то же самое. Вот Андрей Фурсенко, например, перестав быть министром, перешел в администрацию президента.

— Получается, что практически не было случаев, когда ученые сопротивлялись давлению власти? Ведь были же примеры гражданского мужества — академик Сахаров например.

— Конечно, были и такие примеры. О многих мы даже не знаем. Мы же не знаем, что происходило в закрытых институтах, в «почтовых ящиках». Есть книга воспоминаний о Юлии Борисовиче Харитоне. Там описано, как в лабораториях, где создавалось атомное оружие, ученые открыто высказывали мысли, за которые в другом месте их поставили бы к стенке. Берия отлично знал это, но говорил: одной половиной мозга ученые думают о политике, а второй — о бомбе, и мешать этому нельзя. Сталин в 1949 году даже отменил борьбу с космополитизмом в физике, произнес знаменитую фразу: «Пусть делают бомбу, расстрелять всегда успеем».

— Моя мама работала там, где создавали бомбу, и я помню, что она в 1968 году, после событий в Чехословакии, положила партбилет на стол. И ей за это ничего не было — она продолжала работать. В середине 70-х годов в Институте биофизики РАН произошел настоящий бунт: после смерти академика Франка, возглавлявшего институт, на эту должность назначили человека, против которого ученые взбунтовались, и почти все сотрудники подали заявления об уходе. Почти год институт бушевал, потом власти нашли компромисс — разделили его на два. Один институт занял тот, против которого бунтовали, другой — тот, за кого выступали ученые.

— В том-то и дело: если бы сейчас против реформы, предложенной правительством, сплоченно выступило большинство академиков, это был бы громкий и действенный поступок, который заставил бы власть прислушаться к мнению академической науки. Но сплоченности нет — в том числе и потому, что среди академиков и членкоров немало специально внедренных туда людей: из административного мира, из органов безопасности. Еще три года назад на имя Юрия Осипова я написал письмо, в котором выразил свой протест против современных методов руководства академической наукой в целом и академией в частности. Произошедшее к тому времени огосударствление академии — лишение ее самостоятельности, жесткое планирование работы, зависимость ученых от пресловутых «эффективных менеджеров», а теперь и передача в управление государством всего имущества РАН — все это является абсолютным препятствием нормальному развитию академической науки. Желание строить планы в науке — это, по-моему, медицинский диагноз или просто неудачная шутка: говорят же: если хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Вообще жесткая регламентация науки — гибель для нее. Плохо, когда ученым платят маленькую зарплату и вынуждают их больше думать о заработке, а не о науке. Но еще хуже, когда над ученым еще и висит погонялово, — что его могут выгнать, не провести по конкурсу, что он обязан в своей работе строго следовать предписанным планам. Это полная катастрофа для исследователя: только свободно мыслящий человек способен вершить науку. Понятно, что современных молодых чиновников-менеджеров научная вольница сильно раздражает: они мыслят бухгалтерскими категориями, академический подход им незнаком и непонятен. Исторически и до сегодняшнего дня академическими институтами руководили и руководят, как правило, заслуженные ученые. Как в свое время руководили институтами Капица, Ландау. А в результате предлагаемой реформы РАН государство хочет полностью подчинить науку калькулятору. Это, на мой взгляд, приведет к куда более печальным последствиям, чем диктатура идеологии.

— На ваш взгляд, к каким последствиям может привести нынешнее наступление на академическую науку?

— Это приведет к бухгалтерскому методу управления страной. А это грозит серьезными политическими ошибками и просчетами. Потому что разгром РАН — это удар не столько по академии и ее сотрудникам, сколько по тем резервам государственной политики, без которых ни одно современное государство не выживет. Посмотрите: любое уважающее себя СМИ по каждому серьезному вопросу обращается к экспертам самого высокого уровня, в первую очередь в академические институты. И власть может также использовать свою академическую науку. Академические институты и их исследования нужны для того, чтобы представления о мире и его социальной и экономической природе стали достоянием не только общества, но и элементом государственного управления. Которые надо разрабатывать не чиновничьим способом, а научным. Например, в РАН есть Институт Дальнего Востока, который занимается изучением роли Китая и Японии в современном мире. Там есть академик Аполлон Борисович Давидсон, он читает курс «Азиатизация и африканизация современного мира». Это крайне актуально для изучения современности — в первую очередь для понимания духовной жизни человека в расовой многоплановости современного мира. Как получилось, что президентом США стал афроамериканец? И какие выводы должна сделать для себя российская дипломатия? Сейчас какой-то человек застрелил чернокожего подростка, и вся Америка ходит ходуном. А еще лет 10—15 назад это прошло бы незамеченным. Это для нас, для России, урок! Нужно изучать и эти процессы, и те, которые происходят у нас, это крайне важно для сохранения государства. Почему у нас приезжих из Азии и с Кавказа называют «черными» все, даже те, кто относится к ним с симпатией? Это же сложнейшее историко-психологическое, социопсихологическое явление серьезного масштаба, которое требует глубокого изучения.

— То есть фактически такие институты больше нужны государственной власти, чем ученым, которые в них работают?

— Именно, и их огосударствление нанесет удар по государственной политической работе. Государственная политика должна опираться на науку. Так устроена политика в Европе, во многих других странах. В США по-другому, но у американцев чиновники Госдепа, как правило, достаточно подготовлены и широко образованы. А у наших чиновников образование — в лучшем случае МГИМО или Академия госслужбы. А это фактически образование, аналогичное тому, какое в советское время давала Высшая партийная школа, ВПШайка. Кстати, в ленинградской ВПШайке была кафедра Международного рабочего движения, где читались доклады обо всем, что происходило в мире. Заведовал ею человек необычайной интеллигентности — Давид Петрович Прицкер, разведчик.

— Значит, либо теперь переучивать всех чиновников, повышать их уровень образования, — либо...

— Либо они будут, сидя на своих местах, отдавать команды: Институту США и Канады представить к такому-то числу такой-то отчет! И оценивать работу ученых по этим отчетам. Кстати, Брежнев, когда создавал Институт США и Канады, который возглавил академик Георгий Аркадьевич Арбатов, и Институт международных экономических и политических исследований РАН, который возглавил академик Олег Тимофеевич Богомолов, — отлично понимал это. А когда Брежнева упрекали в том, что он окружил себя евреями-академиками, он парировал: «У Никсона есть Киссинджер, а чем я хуже?»

Беседовала **Наталья ШКУРЕНОК**

— Почему возле Путина нет таких людей, как Арбатов или Киссинджер?

— Потому, что для этого нужно трезво оценивать свои возможности и уметь слушать. А этого нынешняя власть либо не понимает, либо не хочет делать. Вот Брежнев знал себе цену и реально оценивал свое место в жизни — он же просил своих спичрайтеров: «Вы только не делайте в моих докладах цитат из Карла Маркса — никто же не поверит, что я его читал». А современная российская власть себя так грамотно и трезво не оценивает.